

Об организации и имидже российской статистики

Наша небольшая статья «Лукавая цифра против экономики России» в газете «Ведомости»¹ вызвала многочисленные отклики пользователей Интернета и работников Росстата. Откликов было гораздо больше, к нашему сожалению, чем на наши предыдущие книги и многочисленные статьи на ту же тему. Видимо, потому что в книгах и статьях, как говорит молодежь, «слишком много букв». Однако отзывов было несравненно меньше, чем на статью «Лукавая цифра», опубликованную в 1987 году в журнале «Новый мир»². И дело, полагаем, не только в отличии тиражей изданий (сегодняшних 75-тысячных «Ведомостей» и 2-миллионного «Нового мира» того времени), но и в гражданских чувствах и квалификации читателей. И первое, и второе очень сильно деградировали в России.

Одним из читателей нашей статьи и ее оппонентом стал руководитель Федеральной службы государственной статистики А. Е. Суринов. Вслед за выходом нашей статьи глава Росстата дал два интервью, в которых в категоричной форме признал свое несогласие с ее основными выводами³. В интервью он также заверил читателей в том, что работники статистики обязательно дадут ответ на нашу статью. Такой ответ действительно появился. В официальном издании Росстата — журнале «Вопросы статистики» были опубликованы три критические статьи.

ХАНИН Гирш Ицкович — профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (филиал г. Новосибирск), Новосибирского государственного технического университета, доктор экономических наук.

ФОМИН Дмитрий Александрович — доцент Новосибирского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

Ключевые слова: статистика, экономика России, экономическая история, Росстат, достоверность статистических данных, организация статистических работ, имидж статистики, экономический кризис.

¹ См. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Лукавая цифра против экономики России // Ведомости. 18.03.2014.

² См. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2.

³ См.: Суринов А. Е. Надо сравнивать себя со странами с нормальной экономикой // Коммерсант-Власть. 21.04.2014; Он же. Статистика начинается с канализации // Новая газета. 23.05.2014.

Разумеется, мы готовились к честному и открытому диалогу, ожидали увидеть профессиональную критику наших методических подходов и альтернативных оценок. Достаточно очевидно, что следовало тщательно проанализировать наши работы, найти методологические ошибки или ошибки в исходных данных, или просто в выдумывании цифр с потолка (и это бывает в научной среде). Ничего из этого наши критики не сделали.

На все критические замечания нами был подготовлен ответ, который мы направили в журнал «Вопросы статистики». Однако редакция журнала, ссылаясь на разные надуманные предлоги редакционного характера и апеллируя столь же надуманными понятиями научной этики и профессионализма, вопреки своим неоднократным обещаниям, не сочла возможным опубликовать нашу точку зрения. Это тем более огорчительно для нас, что в прошлом редакция этого журнала, проявляя профессионализм и принципиальность, охотно публиковала наши критические статьи о состоянии российской статистики. Что-то печальное происходит даже с лучшими людьми и изданиями. Поэтому ответ мы вынуждены публиковать в журнале, не отягощенном корпоративной солидарностью и групповыми интересами работников официальной статистики. Рассмотрим более подробно высказанные нашими оппонентами замечания.

Макроэкономические показатели: издержки измерения

Из трех критических по отношению к нашей работе статей минимальным профессиональным требованиям удовлетворяет только самая первая — статья А. А. Татаринова, Г. Н. Ромашкиной и М. Ю. Гордонова⁴. Скажем сразу: она нас разочаровала. Критики не потрудились вникнуть в наши расчеты — и потому даже не проанализировали действительные слабости наших работ. Первоначально нам показалось, что, кроме этой статьи, авторы ничего другого из наших работ не читали. И пришлось долго вчитываться в их текст, чтобы понять, что это не так.

Следует напомнить, что еще в 1991 году один из критикуемых авторов опубликовал широко известную работу «Динамика экономического развития СССР»⁵, в которой очень подробно обосновал методологию своих альтернативных оценок; эта работа была продолжена и в постсоветское время. К настоящему времени опубликовано уже множество работ по альтернативным оценкам советской и российской экономики; всего за последние десять лет нами было опубликовано более 50 статей в ведущих российских экономических журналах, в том числе 12 статей непосредственно в журнале «Вопросы статистики»⁶. Кроме того, в 2011 году в виде учебного пособия в издательстве Сибир-

⁴ См. Татаринов А. А., Ромашкина Г. Н., Гордонов М. Ю. Комментарий к статье Г. Ханина и Д. Фомина «Лукавая цифра против экономики России» // Вопросы статистики. 2014. № 5. С. 73–76.

⁵ См. Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991.

⁶ Полный перечень этих работ можно легко найти на сайте электронной научной библиотеки — <http://e-library.ru>

ской академии государственной службы были выпущены три части работы об альтернативных оценках общим объемом около 40 печатных листов⁷. В этом пособии обобщены итоги нашей многолетней работы; мы выслали экземпляры пособия в Росстат на имя А. Е. Суринова и в журнал «Вопросы статистики» на имя Т. М. Рябушкина. Наконец, многие альтернативные оценки приводились в двух последних томах книги Г. И. Ханина «Экономическая история России в новейшее время»⁸. Как видим, многочисленные упреки в том, что мы не раскрываем методику наших расчетов, совершенно не обоснованы.

Кстати, она присутствует и в нашей статье, ставшей объектом критики. Среди прочего в ней указаны три метода расчета нами динамики ВВП: по натуральным показателям, по потреблению электроэнергии и по перевозке грузов. Говорится в статье и о методах расчета восстановительной стоимости на основе объема капитальных вложений в текущих ценах на единицу производственной мощности.

От общей оценки работы наших критиков перейдем к ее отдельным моментам.

1. Динамика ВВП. Этой теме наши критики уделили внимание, совершенно не соразмерное с ее значимостью для характеристики прошлого, настоящего и будущего российской экономики. Между тем в наших работах прошлых лет отмечалось, что завышение в оценке динамики ВВП было характерно для всех 2000-х годов (в отличие от 1990-х, когда отмечалось завышение размеров падения этого показателя).

Наши критики с точки зрения методологии наших расчетов отмечают, что «трудно себе представить, что можно так легко, на основе двух-трех натуральных индикаторов, найти ошибку, принципиально изменяющую значение показателя»⁹. Однако речь идет не об обычных натуральных измерителях, а о ключевых индикаторах развития экономики — таких, как потребление электроэнергии и перевозки грузов. Наши критики, думаем, все же согласятся, что при всеобщей электрификации потребление электроэнергии теснейшим образом связано с выпуском товаров и услуг. И с тем, что товары пешком не ходят. Пусть значимость сырьевых отраслей в экономике уменьшается, но их продукция по-прежнему используется в качестве материальных затрат в остальной экономике и поэтому сильнейшим образом влияет на ее динамику. Как хорошо известно из опыта статистики зарубежных стран, нередко при отсутствии надежных натуральных показателей именно показатели, выделенные выше, использовались для исчисления динамики индексов продукции в ряде отраслей промышленности.

⁷ См. Альтернативные оценки развития российской экономики: методы и результаты: учеб. пособ. для аспирантов: в 3 ч. / под общ. ред. Г. И. Ханина. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011.

⁸ См.: Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988—1991 годах; Он же. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992—1998 годы. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014.

⁹ Татаринов А. А., Ромашкина Г. Н., Гордонов М. Ю. Комментарий к статье Г. Ханина и Д. Фомина «Лукавая цифра против экономики России». С. 73.

В нашей работе, опубликованной в 1991 году, приводились оценки динамики измерения объема продукции промышленности шестью методами, строительства — тремя методами, национального дохода — тремя методами. Потребление электроэнергии и перевозки грузов также использовались в этих расчетах в числе других индикаторов. Оказалось, что их динамика в минимальной степени отличалась от других аналогичных показателей. Близкие результаты получались нами и в оценках для второй половины 1990-х и первой половины 2000-х годов. Это дало нам право для оперативной оценки динамики ВВП в 2013-м и первом квартале 2014 года воспользоваться динамикой потребления электроэнергии.

При всем этом мы хорошо понимаем, что это не идеальный показатель (таковых не существует вообще). Важно лишь, чтобы новый показатель был точнее существующих в практике российской (и не только российской) статистики. С его помощью мы проводили переоценку динамики ВВП в ряде стран бывшего СССР, Восточной Европы и в Китае. Приводимые критиками в опровержении наших расчетов данные о низкой корреляции динамики роста ВВП с динамикой перевозки грузов свидетельствуют лишь, что ошибочно рассчитывается динамика самого ВВП. Хотелось бы также больше узнать о том, какой показатель работы транспорта принимается во внимание: грузооборот или объем перевозок грузов.

2. Объем и динамика основных фондов. Этой части нашей статьи ее критики уделили основное внимание — поскольку именно там наши выводы выглядят наиболее неожиданными и разительными. В самом деле, если вместо объявляемого огромного роста основных фондов в 2000-е годы утверждается об их сокращении, а недооценка основных фондов исчисляется двукратными величинами вместо минимальных 1,7 раза, то есть от чего прийти в отчаяние авторам официальных расчетов, к которым относятся и наши критики.

Выходит, они сильнейшим образом дезориентируют руководство страны и широкую научную общественность в отношении положения экономики и ее будущего, которое в огромной степени зависит от динамики основных фондов. А также и в отношении факторов ее развития в предыдущий период. Но вместо того, чтобы уличить нас в ошибках используемой методологии, авторы на нескольких страницах излагают методологию официальных расчетов стоимости основных фондов, наивно полагая, что она нам не знакома, чем обижают не только нас, но и многих читателей журнала — коллег-статистиков и других квалифицированных экономистов. В связи с этим авторы торжествующе сообщают о существовании Указаний (именно так, с прописной буквы) по заполнению форм статистической отчетности, об объеме и динамике основных фондов, о понятиях «учетная стоимость», «восстановительная стоимость», «рыночная стоимость» основных фондов и т. д. И в связи с этим обращают к нам упрек, что это мы выросли из сталинской шинели, а не официальные статистические органы.

Но если бы авторы внимательно прочитали хотя бы только критикуемую ими статью и вдумались в ее содержание, то поняли, что наш метод расчета восстановительной стоимости опирается на рыночную стоимость фондов. А ведь в наших опубликованных работах исполь-

зуются множество данных о реальной стоимости вводимых в действие отдельных объектов. Хорошо бы нашим критикам также рассказать любознательным читателям, как реально используются в статистической практике положения Указаний о рыночной стоимости. Приводимое в статье соотношение между восстановительной (она же рыночная) стоимостью и учетной в 1,7 раза вызывает у нас глубочайшее недоверие. Оно противоречит не только нашим многочисленным расчетам, но и экономической логике и смыслу. Было бы очень желательно привести для проверки 20–30 примеров.

Единственное серьезное возражение против результатов наших расчетов состоит в сопоставлении их с динамикой производственных мощностей промышленности. Действительно, динамика роста мощностей промышленности не вполне сопоставима с нашими оценками по всей экономике, но все же остается неплохим индикатором, фиксирующим общую тенденцию. Однако почему взят только один год и лишь несколько видов производств?

Мы сопоставили динамику производственных мощностей по всему кругу публикуемых официальной статистикой данных за 2000–2012 годы. При этом средний прирост с известным упрощением принимался как среднеарифметический индивидуальных приростов (см. табл. 1).

Как видно, в среднем коэффициент роста мощностей, если считать определение величины этого роста достаточно достоверным, оказался равным 1,06. Это значит, что роста сопоставленных производственных мощностей практически не было. Что полностью противоречит утверждению авторов о росте основных фондов в этот период в 1,7 раза (если, конечно, по другим отраслям не произошло их значительного роста). Но, как видно из приводимого ниже анализа, можно усомниться и в точности официальных оценок производственных мощностей. Вместе с тем не вызывает сомнения, что 2000-е годы в отношении динамики основных фондов и производственных мощностей промышленности сильно отличались от 1990-х, когда они значительно сокращались. Что касается других отраслей экономики, то по одним отраслям (финансовое посредничество, торговля, бытовые услуги, связь) фонды росли, по другим (сельское хозяйство, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство) снижались. Наши укрупненные расчеты показывают, что в целом фонды сокращались примерно на 1 процент в год.

Однако сопоставление производственных мощностей не дает полного представления о динамике величины основных фондов. Основная причина связана с тем, что баланс производственных мощностей не отражает качественные характеристики фондов, и прежде всего уровень их износа. Кроме того, динамический расчет предполагает сопоставление действующих и действовавших ранее производственных мощностей. В России же на протяжении последних лет ликвидированы производства многих видов товаров. Убедиться в этом достаточно легко — нужно просто сопоставить номенклатуру производства промышленной продукции 2000 и 2012 годов. Очевидно, что при ликвидации производства ликвидируются и основные фонды этого производства. С учетом этих дополнительных соображений становится ясно, что происходит выбытие фондов.

Таблица 1

Расчет динамики производственных мощностей промышленности, 2000–2012 годы

Вид продукции	Ед. изме- рения	2000 год			2012 год			Индекс мощностей
		Уровень использо- вания, процентов	Прониз- водство	Мощность	Уровень использо- вания, процентов	Прониз- водство	Мощность	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Уголь	млн т	84	258	307,1	80,9	356	440	1,43
Концентрат железорудный	млн т	92	86,8	94,3	93,6	104	111,1	1,18
Материалы строительные нерудные	млн м ³	56	190	339,3	61,3	424	691,7	2,04
Мясо и субпродукты пищевые убойных животных	млн т	18	1193	6627,8	48,1	1342	2790	0,42
Изделия колбасные	тыс. т	52	1052	2023,1	59,4	2521	4244,1	2,10
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	млн т	32	6,2	19,4	58,9	11,3	19,2	0,99
Масло сливочное и пасты масляные	тыс. т	25	262	1048	29,5	216	732,2	0,70
Мука из зерновых культур, овощных и других растительных культур смеси из них	млн т	45	12,1	26,9	47,1	10,2	21,7	0,81
Крупы	тыс. т	24	932	3883,3	31,8	1411	4437,1	1,14
Ткани хлопчатобумажные суровые	млн м ²	55	1822	3312,7	59,7	1389	2326,6	0,70
Ткани шерстяные готовые	млн м ²	17	54,6	321,2	26,4	14,1	53,4	0,17
Ткани льняные суровые	млн м ²	28	113	403,6	23,3	45,9	197	0,49
Изделия трикотажные чулочно-носочные	млн пар	49	291	593,9	60,5	279	461,2	0,78
Трикотажные изделия	млн шт.	28	121	432,1	59,4	143	240,7	0,56
Обувь	млн пар	29	32,9	113,4	57,8	103	178,2	1,57
Лесоматериалы	млн м ³	39	20	51,3	43,1	21,2	49,2	0,96
Фанера клееная,	тыс. м ³	82	1484	1809,8	79,9	3189	3991,2	2,21
Бумага	тыс. т	79	3326	4210,1	84,7	4769	5630,5	1,34
Картон	тыс. т	63	1985	3150,8	76,1	3032	3984,2	1,26

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Нефть, поступившая на переработку (первичная переработка нефти)	млн т	68	173	254,4	91,5	271	296,2	1,16
Удобрения минеральные или химические (в пересчете на 100 процентов питательных веществ)	тыс. т	63	12213	19385,7	81,7	17833	21827,4	1,13
Материалы лакокрасочные и аналогичные для нанесения	тыс. т	24	575	2395,8	37,4	1188	3176,5	1,33
Шины, покрышки и камеры резиновые новые	млн шт.	71	29,9	42,1	74	50,6	68,4	1,62
Цемент	млн т	44	32,4	73,6	65,1	61,7	94,8	1,29
Конструкции и детали сборные железобетонные	млн м ³	56	18,3	32,7	60,1	25,6	42,6	1,30
Листы асбестоцементные волнистые (гофрированные) (шифер)	млн усл. пл.	41	1800	4390,2	28,4	633	2228,9	0,51
Материалы кровельные и гидроизоляционные	млн м ²	40	419	1047,5	64,7	530	819,2	0,78
Чугун	млн т	86	44,6	51,9	88	50,5	57,4	1,11
Сталь	млн т	77	59,2	76,9	83,8	70,4	84	1,09
Прокат готовый черных металлов	млн т	72	46,7	64,9	79,3	59	74,4	1,15
Тракторы для сельского, лесного хозяйства и проч.	тыс. шт.	19	19,2	101,1	39,8	13,6	34,2	0,34
Станки металлорежущие	тыс. шт.	17	8,9	52,4	10	3,4	34	0,65
Машины кузнечно-прессовые	тыс. шт.	13	1,2	9,2	40,1	2,1	5,2	0,57
Холодильники и морозильники бытовые	тыс. шт.	39	1327	3402,6	65	4300	6615,4	1,94
Бытовые пылесосы	тыс. шт.	20	745	3725	12	61	508,3	0,14
Итого								1,06

Источники: Российский статистический ежегодник за 2003 и 2013 годы. Информацию с официального сайта Росстата см. www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

Примечание: все данные округлены.

Рассмотрим более подробно приводимые примеры, с помощью которых наши оппоненты доказывают превышение показателей ввода мощностей над показателями выбытия. Мы не располагаем данными по всем указанным видам мощностей, поэтому ограничимся первыми двумя — мощностями по добыче угля и прокату черных металлов (см. табл. 2).

Таблица 2

Расчет баланса ввода и вывода промышленных мощностей, 2012 год

Мощности	Уровень загрузки мощностей, процентов	Производство, млн т	Действующая мощность, млн т	Годовой размер выбытия мощностей, процентов	Годовой размер выбытия мощностей, млн т	Среднегодовой ввод мощностей, 2010–2012 гг., млн т	Превышение выбытия мощностей над вводом, раз
	1	2	$3 = \text{ст. 2} \times 100 / \text{ст. 1}$	4	$5 = \text{п. 30} \times \text{п. 4} / 100$	6	$7 = \text{п. 5} / \text{п. 6}$
По добыче угля	80,9 ¹	356 ²	440	20 ⁴	88	8,6 ⁵	10,2
По прокату черных металлов	79,3 ¹	59 ³	74	5 ⁴	3,7	0,8 ⁵	4,6

Источники:

¹ Российский статистический ежегодник. Таблица 13.8. — www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d2/13-08.htm

² Там же. Таблица 13.13. — www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d2/13-13.htm

³ Там же. Таблица 13.38. — www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d2/13-38.htm

⁴ Размер годового выбытия мощностей мы приняли равным размеру годового износа. Разумеется, выбытие и износ имеют разное экономическое содержание. Первое — это событие, второй — процесс. Не всегда какой-либо процесс заканчивается событием, амортизация может накапливаться, но фонды могут не выбывать. Но в больших масштабах, масштабах всей российской экономики, этими различиями можно пренебречь.

Годовой размер амортизации промышленного оборудования мы определили по двум источникам. Первый — это классификатор основных средств, включаемых в амортизационные группы, который используется в современной практике российского бухгалтерского учета. Второй — это нормы амортизационных отчислений, которые действовали в народном хозяйстве СССР с марта 1974-го по июль 1992 года.

В настоящий момент оборудование для горнодобывающих производств отнесено к третьей группе фондов со сроком службы от 3 до 5 лет. То есть ежегодная амортизация оборудования составляет 20 процентов. Советские нормативы амортизации были более дифференцированными по видам имущества. Согласно им амортизация машин и оборудования для подземных и открытых горных работ варьировалась от 18,2 до 24,2 процента. В итоге годовой размер амортизации был принят равным 20 процентам.

Станы проката современные нормативы относят к шестой группе фондов, которая имеет срок службы от 10 до 15 лет. То есть минимальный размер годовой амортизации составляет 6,7 процента. Советские нормативы определяли годовой размер амортизации станков холодной и горячей прокатки листа на уровне 5 процентов. Примем за основу расчета минимальные советские нормативы в 5 процентов.

⁵ Инвестиции в России. Таблица 7.12. — www.gks.ru/bgd/regl/b13_56/Main.htm. Показатели ввода рассчитаны как средний уровень года в течение трех лет.

Расчет показывает принципиальное отличие от данных авторов. Наши оценки свидетельствуют, что годовой ввод мощностей по добыче угля ниже вывода мощностей в 10,2 раза. Официальные оценки свидетельствуют об обратном — о том, что ежегодный ввод мощностей в 1,6 раза выше их ликвидации. То же относится и к мощностям проката черных металлов. Официальные оценки показывают превышение ввода над выводом в 2,7 раза. Наши оценки свидетельствуют о превышении выбытия над вводом в 4,6 раза. Кстати, не очень понятно, откуда вообще авторы взяли данные о вводе мощностей по прокату черных металлов. В официальных статистических сборниках указано, что в 2012 году ввода мощностей по данному производству вообще не было.

Из приведенных примеров (см. табл. 1 и 2) очевидна ошибочность утверждений авторов о значительном росте основных фондов в данный период. Вместе с тем непосредственно из этих данных трудно сделать окончательный вывод о точной динамике производственных мощностей в этот период. Для этого следует установить размер ошибок при определении размера производственных мощностей в начале и конце периода по каждому продукту, как мы это сделали в таблице 2.

Причины расхождения наших расчетных данных и показателей официальной статистики о динамике объема основных фондов, которыми оперируют авторы, очевидны. Официальные оценки строятся исключительно на стоимостных показателях ввода и вывода основных фондов по учетной стоимости. Если бы они совпадали с восстановительной стоимостью основных фондов, результат был бы правильный, но в случае с оценкой Росстата это явно не так. Учетная стоимость основного капитала в разы отличается от его восстановительной или рыночной стоимости. В результате старые выбывающие фонды имеют низкую устаревшую стоимость, а новые вводимые фонды — высокую современную.

Разумеется, наши расчеты также не являются безупречными. Основная причина заключается в том, что нормативное выбытие фондов не совпадает с их фактическим выбытием. Фонды могут быть полностью амортизированными, выработанными, но при этом участвовать в производстве продукции. Основная причина устаревшей материальной базы экономики, наличия в ее составе фондов с высоким уровнем износа и фондов, полностью выработавших свой срок, заключается в недостаточной инвестиционной активности. Существует определенный, но, к сожалению, очень плохо изученный ресурс использования фондов, которые эксплуатируются на границе своих нормативных производственных возможностей или даже за пределами этой границы. Но очевидно, что этот ресурс исчерпан. Эта исчерпанность, на наш взгляд, является причиной начавшегося в последнее время кризиса экономики и основным фактором, которым будет определяться тяжесть протекания этого кризиса.

3. *Важнейшим критерием достоверности наших методик и сделанных на их основе оценок, в отличие от методик и оценок официальной статистики, является способность верно спрогнозировать развитие российской экономики.* Наши статьи 2000-х годов уверенно свидетельствуют о том, что мы своевременно предсказывали кризисы и 2008-го, и 2013–2014 годов (а до этого — кризис советской экономики 1980-х годов, что хорошо известно многим экономистам, жившим в то время).

Здесь основную роль сыграли наши оценки динамики основных фондов, которые показывали исчерпание возможностей их лучшего использования при сокращении их объема. А какую прогностическую роль могли играть официальные оценки их динамики, показывающие неуклонный рост фондов? Вот и попали в большую лужу вместе с официальной статистикой со своими прогнозами на 2013 год подавляющее большинство наших экономистов как левой, так и правой ориентации, слепо доверяющих официальной статистике. Там же оказалось и государственное руководство РФ. Чтобы освежить свою память, советуем читателям обратиться к публикациям в газетах «Завтра» и «Новая газета» конца 2007 и 2012 годов. А также вспомнить речи российских руководителей в то время.

4. *Что может Росстат?* Наши критики в нескольких местах сетуют на ограниченные возможности Росстата. В определенной степени эти сетования кажутся обоснованными. Например, что касается влияния на ход приватизации. Прямое влияние Росстата здесь было затруднено. Хотя Росстат и мог бы обратить внимание правительства и законодательных учреждений на возмутительную недооценку фондов в процессе приватизации, тем не менее мы не слышали, чтоб он это делал. А ведь это был его гражданский и профессиональный долг.

А кто мешал Росстату более квалифицированно проводить переоценки основных фондов и настаивать на их обязательном, а не добровольном проведении? И руководителям статистической службы громогласно сообщать о своей позиции и уходить в отставку, если бы к ним не прислушивались. Любой уважающий себя профессионал так бы и поступил.

Недоумение вызывают и утверждения авторов о том, что «функция статистики — собирать и обрабатывать отчеты организаций, осуществлять на их основе макроэкономические расчеты согласно утвержденной методологии»¹⁰. Такое упрощенное понимание не имеет ничего общего ни с информационными потребностями экономики и государства, ни с формальным правовым статусом самой статистической службы. Именно об этом говорит содержание нормативно-правовых актов, определяющих регламент функционирования государственной статистики, ее права и полномочия. Так, пункт 8 статьи 5 Федерального зако-

¹⁰ Татаринов А. А., Ромашкина Г. Н., Гордонов М. Ю. Комментарий к статье Г. Ханина и Д. Фомина «Лукавая цифра против экономики России». С. 75.

на «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» закрепляет за Росстатом функцию координатора в сфере официального статистического учета. Немного выше, в пункте 5 той же статьи, указывается, что официальный статистический учет в России осуществляется в соответствии с федеральным планом статистических работ, который разрабатывается соответствующим органом исполнительной власти (Росстатом). То есть законодательство достаточно ясно определяет последний в качестве главного производителя всех статистических работ, а также и координатора, который согласовывает усилия всех ведомств в области статистики. И потому вся ответственность за выполнение статистических работ и качество

Законодательство определяет Росстат в качестве главного производителя всех статистических работ, а также координатора, который согласовывает усилия всех ведомств в области статистики. И потому вся ответственность за выполнение статистических работ и качество статистической информации целиком и полностью лежит на Росстате.

статистической информации целиком и полностью лежит на Росстате. Кроме того, «Положение о федеральной службе государственной статистики» содержит достаточно ясное описание 23 полномочий, которыми наделяется государственная статистическая служба, так что почвы для чрезмерно расширенного толкования не остается: остается лишь заняться выполнением обязанностей, возложенных на соответствующее ведомство и его сотрудников.

5. Недоумение вызывает упрек в том, что мы не представили нашу методологию для публичной критики. При этом авторы представляют этот процесс исключительно бюрократически, всецело ведомственно. По мнению наших оппонентов, мы должны были попросить какую-то структуру ФСГС обсудить ее. Но разве для представления методологии и результатов недостаточно наших многочисленных публикаций? Не правильнее было бы ФСГС пригласить нас для обсуждения нашей методики, а не ставить нас в положение просителей? Так, кстати, в конце 1989 года поступило ЦСУ СССР, организовав под руководством М. Эйдельмана весьма представительное обсуждение наших публикаций об альтернативных оценках. Выходит, что ФСГС за эти годы растеряла традиции даже далеко не идеального ЦСУ СССР.

Такое же недоумение вызывает приглашение нас участвовать в курсах, организуемых ФСГС. Может ли у нас возникнуть доверие к их

объективности при потрясающем многолетнем игнорировании нашего мнения руководством статистической службы?

Отдельно следует сказать о составе Научно-методологического совета Росстата, неучастие в работе которого авторы ставят нам в упрек. Из 51 его члена 8 являются штатными работниками Росстата, а оставшиеся 43 — приглашенными учеными; однако лишь 7 членов совета являются авторами научных работ, хотя бы в минимальной степени связанных со статистикой, причем председатель — несомненно, известный экономист — в их число не входит. Нужно быть очень наивными, чтобы в таких условиях тратить свое время на бессмысленные для нас конкурсы и обсуждения.

К сожалению, все непросто и за пределами статистического ведомства. На наши работы по альтернативным оценкам начиная с 1997 года обратили внимание лишь несколько российских экономистов и статистиков (В. М. Кудров, Ю. Н. Иванов, Н. И. Сулов). И это при том, что уже в 1970—1980-е годы мы ставили проблему пересмотра принципов макроэкономической статистики; и эта работа была в полной мере продолжена в советский период. Цифры — хлеб экономики. Что ждет последнюю без надежных методов статистического учета? Вопрос риторический: ответ на него многократно дан как советской, так и постсоветской экономической историей.

Официальная статистика: дела и имидж

Еще одним нашим активным критиком в последние годы являлся М. В. Карманов, заведующий кафедрой социально-экономической статистики Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, член редколлегии журнала «Вопросы статистики», опубликовавший по этому поводу две статьи¹¹. Начнем с ответа на возмущение автора тем, что критики смеют пользоваться отдельными официальными статистическими данными¹². На самом деле, однако, в этом нет ничего аморального: мы никогда и нигде не писали, что *все без исключения* статистические показатели советского и постсоветского времени являются липовыми.

Так, например, всем изучавшим советскую экономику хорошо известно, что предприятиям строго-настрою под угрозой уголовного наказания запрещалось искажать данные о натуральных показателях выпуска продукции, поскольку это делало бы невозможным планирование производства и особенно — распределения. В то же время не предусматривалось никакого наказания за скрытый рост цен под предлогом совершенствования качества продукции, ибо это позволяло поддерживать

¹¹ См.: Карманов М. В. Размышления об имидже российской статистики // Вопросы статистики. 2014. № 6. С. 72—76; Он же. Лукавство о «лукавстве цифр» // Вопросы статистики. 2014. № 9. С. 80—82.

¹² См. Карманов М. В. Лукавство о «лукавстве цифр». С. 80.

пропагандистские утверждения о высочайших темпах производства и уровня жизни населения. В свое время именно это обстоятельство позволило нам, опираясь на достоверные данные советской статистики о выпуске продукции в натуральном выражении, исчислять альтернативные индексы продукции. Кстати, никакой заслуги собственно статистики в обеспечении достоверности данных о выпуске продукции в натуральном выражении не было: соответствующим ведомствам надлежало просто суммировать данные, поступающие от предприятий. Точно так же и в постсоветское время, несмотря на существенное снижение качества ряда статистических показателей по сравнению даже с советским периодом, некоторые из них по-прежнему, в большей или меньшей степени, достоверны, на что мы неоднократно обращали внимание в своих работах. Кроме того, неизменно анализировались причины искажения соответствующих данных.

Не принимаем мы и упреки М. В. Карманова в том, что все недостатки в российской статистике мы относим к злонамеренной деятельности руководства Росстата. В этом смысле показательно, в частности, интервью Г. И. Ханина журналу «ЭКО», данное в 2012 году. Основные замечания в адрес руководства Росстата в нем касаются вовсе не злонамеренности, а недостаточной настойчивости, беспринципности и пассивности чиновников: «не настояли, не добились, не хлопнули дверью, наконец»¹³. Там же отмечаются и объективные сложности в работе ведомства: недостаточная квалификация персонала, его низкая зарплата, сложные общие условия работы, рост теневого сектора, лживая первичная статистическая отчетность, за которую никто не несет ответственности.

В этом же интервью были высказаны серьезные упреки в адрес других ведомств и должностных лиц: «Начальники главы Росстата в Минэкономразвития (как и премьер-министр и президент страны) некомпетентны в вопросах статистики. Виновато высшее государственное руководство, статистики не знающее и ее значения не понимающее. Вы видели по телевизору, чтобы президент страны или премьер-министр принимали руководителя Росстата? Я за многие годы видел один раз, накануне переписи населения. Да и о чем они с ним будут говорить, плохо разбираясь в предмете? Не лучше и наш, извините, парламент. Хоть раз он удосужился произвести слушания о положении в российской статистике? В американском конгрессе такие слушания проходят систематически. А политические партии? Они бьют тревогу по этому важнейшему вопросу? Я не слышал об этом. Летом прошлого года мы с Д. А. Фоминым обратились в ведущие политические партии России с предложением снабжать их на коммерческой основе (много не попросили бы) нашими альтернативными оценками. Они либо не ответили, либо отделались отписками. И это по важнейшему вопросу экономической жизни страны. Чего же стоят такие партии? Ну а печать?

¹³ См. Ханин Г. И. Цифры продолжают лукавить // ЭКО. 2012. № 3. С. 4–13.

Уж она-то бьет во все колокола? Как бы не так, молчит. Лишь изредка возникает на ее страницах эта тема, да и то весьма непрофессионально. А как ведут себя официальные экономические институты? От доброкачественности экономической информации зависит качество их продукции. Они тоже молчат. А потом удивляются, за что критикуют их продукцию. Выходит, им она тоже безразлична. Из сказанного видно, как гнилы наши общественные институты, отнюдь не только государство». Заканчивается интервью выводом о том, что «в больном обществе не может быть здоровой статистики»¹⁴.

В дополнение к сказанному отметим, что не проявляет интерес к улучшению российской статистики и предпринимательское сообщество. Молчат предприниматели и их многочисленные организации. А ведь для предпринимательской деятельности очень важно иметь ясное представление о положении во всей экономике!

Довольно интересными представляются рассуждения М. В. Карманова об имидже статистики. Однако и здесь есть с чем поспорить. В самом деле, нередко даже вполне успешные организации и лица не получают у общества справедливой оценки либо из-за неумения представить себя, либо из-за нежелания этим заниматься, считая это пустячным делом: дескать, факты говорят сами за себя. Что тут сказать? Говорят, но очень часто с огромным опозданием, которое иногда исчисляется десятилетиями. Это влияет на распространение передового опыта, а нередко — прямо подрывает престиж страны и ее граждан. В этом смысле роль специалистов по созданию имиджа, что справедливо подчеркивает М. В. Карманов, весьма велика. Однако имидж создается прежде всего делами, в данном случае — качеством статистических работ: ведь при плохом качестве никакой имиджмейкер не поможет.

Между тем, по мнению нашего оппонента, «российская статистика, все больше и больше приближаясь к международным стандартам, ведет свои расчеты по общепризнанным во всем мире методикам. А поэтому обвинять ее в неадекватности — примерно то же самое, что выступать против алгоритмов, применяемых во всем мире»¹⁵. Однако очевидно, что никакая самая совершенная методика автоматически не гарантирует хороший результат: все зависит от тех, кто и как ее использует. Не случайно в упомянутом выше интервью были предложены меры по коренному улучшению деятельности существующих статистических органов.

«Во-первых, укрепить их кадровое и материальное положение, ввести материальные привилегии для работников статистики, чтобы привлечь в эту систему талантливую молодежь, увеличить количественно и улучшить качественно высшее и среднее специальное статистическое образование. Во-вторых, привлечь внимание общества и государственных органов к этой важнейшей области социальной

¹⁴ Там же.

¹⁵ Карманов М. В. Размышления об имидже российской статистики. С. 74.

информации. В-третьих, усилить наказание за искажения статистических данных, как это было в СССР и имеет место сейчас в ряде развитых стран. В-четвертых, создать альтернативные статистические структуры»¹⁶. К сожалению, эти замечания совсем не рассматриваются нашим оппонентом¹⁷.

Официальная статистика: неизбежность реформ

Статьи М. В. Карманова в очередной раз заставили нас задуматься о принципах организации российской статистики. Современное статистическое ведомство имеет централизованный характер, унаследованный, как считается, от советского времени. Между тем лучшими в мире являются как раз децентрализованные статистические системы англосаксонских стран: если в привычной нам схеме обобщающие статистические функции осуществляются исключительно (или преимущественно) центральными государственными учреждениями, то в последнем случае основная роль принадлежит статистическим органам ведомств, тогда как общенациональный статистический орган осуществляет лишь функции координации¹⁸.

На необходимость реформирования организации статистики в России в начале 2000-х годов, помимо нас, указывала И. И. Елисеева в своем великолепно написанном предисловии к книге А. Е. Суринова¹⁹. Аргументированно, с использованием российских исторических прецедентов и опыта развитых стран она показала необходимость формирования альтернативной территориальной, деловой и ведомственной статистики. Среди прочего И. И. Елисеева напоминает об опыте земской статистики, ее взаимодействия с местной властью и обществом. Традиции неформальной, обращенной к людям статистики существовали еще в 1920-х годах. Отказ от этих принципов, по мнению автора, произошел в начале 1930-х, по мере формирования государственной статистики и придания ей монопольного характера в количественной оценке всех аспектов советской жизни. Указывается и на опыт развитых стран, в которых основная масса статистических работ выполняется на региональном, а не национальном уровне. Для России этот опыт особенно актуален вследствие протяженности страны и разнообразия местных условий. Наконец, по мнению И. И. Елисеевой, Россия нуждается в совершенствовании правовых основ статистической деятельности: в данный момент они сформулированы лишь для государственной статистики. Что касается различных независимых статистических агентств, бюро и институтов,

¹⁶ См. Ханнин Г. И. Цифры продолжают лукавить.

¹⁷ См. Карманов М. В. Лукавство о «лукавстве цифр». С. 82.

¹⁸ Хорошее, хотя и слишком краткое, изложение разницы между этими двумя системами организации см.: Плошко Б. Т., Елисеева И. И. История статистики. М.: Статистика, 1990. С. 190—192.

¹⁹ См. Елисеева И. И. Предисловие // Суринов А. Е. Официальная статистика России: проблемы реформирования. М.: ИИЦ «Статистика России», 2002. С. 4—12.

обслуживающих интересы общества и бизнеса, то их деятельность не имеет никаких юридических оснований.

Ни тогда, ни ранее эти достаточно обоснованные и разумные предложения не были услышаны. И, соответственно, не осуществлялось никаких попыток изменить сложившуюся российскую статистическую практику. Мы также полагаем (хотя этот вопрос, конечно, нуждается в обсуждении), что многие беды нашей статистики связаны именно с централизованным ее характером. Между тем сложно спорить с таким очевидным фактом, что в централизованной системе статистики функционируют в собственной статистической среде, они оторваны от живой хозяйственной жизни и практически лишены контактов со специалистами и руководителями отраслей экономики. И это при том, что последние определенно лучше знают специфику отраслей, а также способны более квалифицированно сформулировать требования к статистической информации, необходимой для успешного руководства отраслью.

Не следует, однако, рубить сплеча. Ведь даже в советский период руководители статистической службы страны наряду с изъянами отмечали и позитивные результаты принадлежности статистической службы к системе Госплана СССР с 1930-го по 1948 год²⁰. При этом в СССР помимо общегосударственной статистики всегда существовала и статистика ведомственная, опыт которой в советских работах по истории государственной статистики 1930–1950-х годов (в отличие от статистики ВСНХ СССР) изучен явно недостаточно. К слову сказать, система статистики в рамках ВСНХ была просто выдающейся и по своему уровню явно опережала западную промышленную статистику того времени.

В качестве одного из оснований желательности передачи части статистической деятельности профильным государственным ведомствам приведем, в частности, недавнее заявление министра труда и социальной защиты РФ, которая горько жаловалась на потерю 22,5 миллиона трудоспособного населения, не отраженного в статистике занятости²¹. Можно предположить, что, если бы эта статистика находилась в ведении министерства, оно приложило бы максимум усилий для поиска «пропавших» россиян.

Рассмотрим также пример знаменитого справочника «Statistical Abstracts of the USA», содержание которого в полной мере отражает преимущества децентрализации системы статистического учета. Все разделы справочника основаны на данных ведомственной статистики; в России же подобное является скорее исключением. Росстат публикует лишь отдельные данные, установленные на основе сведений, полученных из других ведомств (Центрального банка, Федеральной миграционной службы, Федеральной таможенной служ-

²⁰ См. Плошко Б. Т., Елисеева И. И. История статистики. С. 12–13, 61–62.

²¹ См. Грицков М. Ищите призраков // Российская газета. 14.10.2014.

бы и т. д.). Между тем такая практика должна стать правилом. При этом, конечно, возникнут сложности и проблемы, главным образом в территориальной статистике; но ее (с разбивкой по территориям) можно учесть в данных, публикуемых общегосударственными ведомствами.

Чтобы лучше понять условия работы статистической службы, обратимся к интервью с В. Соколиным, которое он дал журналу «Итоги» сразу после своей отставки с должности главы Росстата²². По его словам, в период пребывания в должности у него сложилось ощущение, что государственные мужи не заинтересованы в объективной экономической информации. Довольно смелое заявление, хотя ничего сенсационного, конечно, оно не содержит.

Возникает вопрос: если объективная статистическая информация никому не нужна, на что тратятся государственные средства статистического ведомства и расходуются энергия и способности занятых в ней людей? В таких условиях статистическая служба неизбежно превращается в бюрократическую структуру. И как всякая бюрократическая структура, де-факто выдвигает в качестве главной цели успех в борьбе за распределение бюджетных средств, стремится к их максимальному увеличению, обеспечивает централизованный и монопольный контроль над ними. Именно это по большому счету объясняет характер российской статистики, ее нетерпимость к альтернативным центрам генерирования статистических данных, стремление к административному подавлению любой конкуренции и недовольства существующей практикой, в том числе и путем дискредитации своих оппонентов.

Усилия работников соответствующей службы оказываются направленными не на повышение профессионализма и качества статистических работ, а на карьерный рост, связанные с ним интриги, а также на демонстрацию личной лояльности к существующему порядку. В интервью журналу «Коммерсант-Власть» А. Е. Суринов назвал В. М. Симчеру «довольно известным публицистом». Между тем этот человек с 2000-го по 2010 год являлся директором НИИ статистики Росстата. До отставки все его работы были основаны на официальных статистических данных, тогда как после 2010-го он стал исходить из альтернативных оценок, в том числе и наших²³. Это объясняет очевидный факт: чего-либо нового работы В. М. Симчеры в статистическую науку не привнесли.

Жизнь, однако, диктует свои правила. Стремительно разворачивающийся современный кризис, помимо прочего, уже выявил колоссальное несоответствие между фактическим положением дел в экономике и их статистическим отображением. Недостоверность официальных

²² См. Как вы считаете? // Итоги. 12.10.2009.

²³ Мы достаточно подробно писали об этом, см. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Лукавые и чужие цифры Василия Симчеры // Свободная Мысль. 2010. № 6. С. 189–194.

данных ставит под сомнение адекватность понимания происходящего не только руководством статистической службы, но и высшими должностными лицами государства и топ-менеджерами. Очевидно, что в отсутствие достоверных данных руководители будут не в состоянии справиться с кризисом и принять нужные решения. При этом одними лишь силами статистического ведомства существующие проблемы решить уже не удастся. По всей видимости, в предстоящих статистических реформах это ведомство должно стать не субъектом, принимающим те или иные управленческие решения, а объектом реформирования. ◆